

ИСТОРИЯ

УДК: 2; 141.45

ЛОКАЛЬНЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СПОРЫ КАК ПРОЛОГ ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА XVII ВЕКА

А. А. Щевьёв

Рязанский государственный радиотехнический университет,
г. Рязань, Россия

LOCAL RELIGIOUS DISPUTES AS THE SCHISM'S PROLOGUE OF 17th CENTURY

A. A. Schevjev

Ryazan State Radio Engineering University, Ryazan, Russia

Summary. This article analyzes the work of V. U. Kliuchevsky "Pskov`s disputes". Examined the nuances of local dogmatic dispute in Pskov Church community as a kind of prologue to the schism of the 17th century.

Key words: history; historical source; religion; schism; church community.

Василий Осипович Ключевский – один из величайших историков нашей страны. Его труды известны не только научной аудитории, но и людям, которым история просто интересна. Широко известна его магистерская диссертация «Древнерусские жития святых как исторический источник», посвящённая формальной стороне житийной литературы. Именно занятие магистерской диссертацией вовлекли В. О. Ключевского в круг разнообразных проблем по истории церкви и русской религиозной мысли. На эти темы появился целый ряд самостоятельных статей и рецензий. Из них наиболее крупные: «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря», «Псковские споры», «Содействие церкви успехам русского гражданского порядка и права», «Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства», «Западное влияние и церковный раскол в России XVII века» и др.

Однако, если раньше религиозные работы В. О. Ключевского не вызывали у многих интереса, то сегодня научная разработка Ключевским проблем православия в России и, прежде всего, раскрытия роли Церкви в формировании нравственной стороны жизни российского общества звучит особенно актуально. Данная проблематика активно используется церковными деятелями нашей страны, особенно «на ниве» споров с католической церковью.

Противодействие «пропаганде с Запада» обстоятельно раскрывается автором на примере одного из церковных обществ – Псковского, которое, может быть, благодаря своему пограничному положению яснее какого-либо другого отражало на себе изменившееся настроение русской Церкви с его последствиями. Но не только этой теме посвящены «Псковские споры», которые мы попытаемся проанализировать. По нашему мнению, работа В. О. Ключевского посвящена истории общества, и, прежде всего, общества церковного, в котором назревал раскол. Это своеобразная предыстория церковного раскола XVII века.

«Псковские споры» – небольшая работа В. О. Ключевского. Состоит из 6 глав, а скорее из: введения (глава первая «Русское церковное общество в XV веке») и основной части (глава вторая «Псковское церковное общество XV века», разделённой соответственно на четыре подпункта (глава третья «Спор с владыкой», глава четвёртая «Спор с латинами», глава пятая «Богословский спор» и глава шестая «Литературная полемика»). Остановимся на каждой из глав подробнее.

В. О. Ключевский предлагает в «Псковских спорах» своеобразный срез церковной мысли XV века. Первая глава посвящена церковному обществу всей России и носит вводный, ознакомительный характер. Автор в самом начале оговаривается о предмете своей работы: «Предпринимаемый рассказ имеет своим предметом некоторые явления, относящиеся к истории русской мысли...» [1, с. 343] и подчёркивает её научную актуальность: «История русской мысли даёт много для объяснения русского народного

характера, склада народного духа. Следовательно, есть научный интерес и в истории русской мысли...» [1, с. 343].

Отдавая дань философии, а лучше сказать, историософии, В. О. Ключевский далее отмечает, что русская мысль со своим своеобразным развитием была замкнута в рамках Церкви, для которой в то время, по мнению автора, «...сила диалектического напряжения мысли и недостаток внутреннего содержания в наивных вопросах» [1, с. 345] были наиболее характерны. Однако В. О. Ключевский подчёркивает, что XV век был значимым рубежом для русской церковной мысли уже потому, что «... изменил внутреннее настроение русского церковного общества...» [1, с. 345]. Константинополь перестал быть авторитетом для многих церковных иерархов, простых иереев и мирян.

Послание Филофея «Москва – третий Рим» в конце XV в. доминировало в церковном обществе и княжеской среде. В XV веке церковная «корпорация» мужает, набирает силу и от князя и от осознания собственной исключительности. «...С этого именно времени, когда русское церковное общество почувствовало, что оно переросло свой прежний византийский авторитет, раздаются жалобы представителей русской иерархии на недостаток благочиния... и упадок грамотности в среде духовенства» [1, с. 351]. Таким образом, В. О. Ключевский выделяет четыре факта церковной жизни, действующих со второй половины XV века: «чувство церковной самостоятельности, упадок образования в духовенстве, равнодушие последнего к практической церковной самостоятельности, умножение споров о формальных церковных тонкостях» (что особенно важно) [1, с. 353–354]. Для своеобразного подтверждения своих тезисов автор берёт псковское церковное общество XV века. «В России XV века было одно местное церковное общество, которое благодаря наивной запутанности своих внутренних отношений и сложности внешних влияний ясно, может быть, яснее какого-либо другого в то время, отражало на себе изменившееся настроение русской Церкви с его последствиями. Это был Псков» [1, с. 354]. Своеобразие псковской церковной жизни породило некоторое подчинение церковной иерархии веху Пскова. Власть Новгородского владыки в это время ослабевает, и псковские жители зачастую сами решают «богословские споры», либо насущные вопросы – отстраняют от богослужения «вдовых священников».

Спор с владыкой порождает и споры внутри самого псковского церковного общества и, в конечном итоге, приводит к богословскому спору об употреблении аллилуйи в богослужении (о её троении или двоении). Главными действующими лицами здесь выступают инок Евфросин (его житие подробно проанализировано в работе «Древнерусские жития святых как исторический источник») и Иов Столп. Как ни странно, наряду с чисто богословским вопросом встаёт другой – об авторитетах для русской церкви, что будет немаловажно, прежде всего, для церковного общества времён раскола в XVII веке. Инок Евфросин не находил ответа у себя на родине в своих богословских исканиях, так как «... одни двоили пресв. аллилуйю, другие троили...» [1, с. 385]. Евфросин едет в Константинополь и узнаёт от патриарха, что аллилуйю следует двоить. Отметим, что по житию Евфросин ходил в Константинополь до Флорентийского собора 1437 года, «...в добрую пору, в самый благодатный цвет и во время прекрасные тишины нерушимые веры во Христа...» [1, с. 388]. Теперь в Псковской земле только один монастырь Евфросина установил двоить аллилуйю. А вот по Псковской округе и почти по всей Новгородской епархии установился обычай троить аллилуйю. Это и было основным обвинением противника Евфросина Иова: «... Установил он в монастыре своём обычай двоить пресвятую аллилуйю, разрушая этим правило церковное и обычай (обратим внимание на это слово), которого мы согласно держимся...» [1, с. 395]. Как видим, именно на «обычай», а не на что-либо другое ссылаются противники двоения аллилуйи. «Самостийный» обычай становится доминирующим для церковного общества. Не разрешат спор ни Новгородский владыка, ни митрополит. Потребуется авторитет и смелость Никона для коренного перелома обычая и «возврата к святым образцам», но это будет только через два столетия и, к сожалению, так окончательно и не решит всех споров.

Сам историк, скорее всего, придерживался того мнения, что сугубая аллилуйя восхваляет два естества Иисуса Христа, а тройная – Троицу, что несколько не принижает Божественного достоинства. Спор Евфросина и Иова продолжился и после их

смерти – в литературе того времени. Спор волновал всё псковское общество, да и не только псковское – всё русское церковное общество. Своеобразен вывод историка из своих построений: «В такие тёмные уголки холодной диалектики пряталась русская мысль... покинув... поприще насущных нравственных потребностей».

Псковские споры XV века – это пролог церковного раскола XVII века. Уже тогда появились «зацепки» для богословско-диалектического спора Никона и Аввакума. Не случайно В. О. Ключевский обращает наше внимание на вопрос о «сугубой аллилуйи» (на один из главных спорных вопросов в расколе). Однако, показывая русскую церковную мысль XV века, автор рисует нам и быт церковного общества, его противоречия, характер мышления людей, даёт характеристики деятелей эпохи и многое, многое другое.

Библиографический список

1. Ключевский В. О. Псковские споры // Православие в России. – М. : Мысль, 2000.

УДК 947(093)(470.22)

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛЬСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ (КОНЕЦ XIX–НАЧАЛО XX ВВ.)¹

Ю. В. Литвин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук,
г. Петрозаводск, Республика Карелия, Россия

THE HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCES ABOUT EVERYDAY LIFE
OF THE KARELIAN PEASANT WOMAN (THE END OF THE 19TH TO THE BEGINNING
OF THE 20TH CENTURY)

J. V. Litvin

Institute of Language, Literature and History Karelian Research Centre Russian Academy
of Science, Petrozavodsk, The Republic of Karelia, Russia

Summary. The article contains basic thematic groups of sources both published and archival from second half of the 19th to beginning of the 20th century. It allows analyse legal and sociocultural state of the karelian peasant woman in and out her family.

Key words: history of Karelia; gender history; source study; legal state of woman; customary law; marital relations; woman's identity.

Изучение повседневной жизни населения в исторической и этнологической ретроспективе является одним из актуальных направлений современной историографии.

Цель настоящей статьи заключается в выделении основных тематических групп источников, в которых содержатся сведения о карельской женщине, её положении в семье и общине. Статья основана на опубликованных материалах и архивных документах Национального архива Республики Карелия. Обращение к различным группам источников позволяет получить объёмную картину исторической действительности, даёт возможность дополнить официальные материалы источниками неофициального характера.

В настоящее время большинство исследователей придерживаются видовой классификации [6, с. 145]. Информация о жизни карельских крестьянок расплывлена по архивным фондам и неравномерно представлена в опубликованных материалах. Поэтому мы последуем за А. С. Лапшо-Данилевским, который ещё в начале XX в. предложил систематизировать исторические источники в зависимости от целей исследования [6, с. 86]. В частности, он делил источники по степени ценности для изучения конкретных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Эвристический потенциал историко-этнографических источников о повседневной жизни карельской семьи в конце XIX – первой трети XX вв.» (Номер проекта 12-31-01028).